

В. А. Липинская

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

(вторая половина XIX — начало XX в.)

Вместе с русским населением за Уральский хребет пришло христианство в принятом Россией греко-византийском варианте. Уверенные в истинности своей веры и уповая на помощь высших сил, россияне возводили христианские храмы при строительстве острогов, крепостей, городов. Они объединяли вокруг себя окрестное население. Со временем церкви появлялись в селениях. Раскол церкви на православие, признанное правящей властью, и на преследуемое старообрядчество, произошедший в XVII в., сказался на судьбах населения Сибири, как и всей России¹. Дальняя окраина государства, являвшаяся местом ссылки для непокорных и пристанищем для беглых, стала одной из тех местностей, где сосредоточивались приверженцы старой веры. Как и в европейской части страны, они составляли довольно обособленные группы. По наблюдениям местных чиновников и священнослужителей, отчуждение их от православных было так велико, что если в каком-либо селении имелись те и другие, то старообрядцы «селились особенною слободой»². Принужденное скрываться старообрядчество делилось на согласия и толки. Из европейской части России они проникали в Сибирь. В отдаленных, плохо контролируемых церковью местностях возникали своеобразные вероучения.

С начала XIX в. вступила в действие единоверческая церковь — временная компромиссная мера для объединения всех христиан в ортодоксальном православии. Священники в единоверческие церкви назначались от епархий, но службу они вели по дониконовским обрядам, пользуясь старопечатными книгами. В борьбе за число прихожан священники склоняли старообрядцев к принятию хотя бы единоверия. Единоверцев в статистических отчетах иногда объединяли с православными, несмотря на то что их духовная приверженность к старой вере не была тайной для чиновников и священства. Так, в 1859 г. при составлении «Списков населенных мест» Томской губ. было подсчитано, что большая часть жителей (около 88%) исповедует признанное государством ортодоксальное православие. При этом авторы отмечали, что «хотя единоверцы тоже православные, но в строгом смысле они по некоторым наружным обрядностям отличаются от последних...»³. Состояние единоверия было проанализировано в ходе проведения всероссийской переписи: «Кроме открытого раскола, — писали статистики, — существует еще единоверие». В составе этой группы они усматривали три разряда: истинных православных, не твердых в своих убеждениях и относящихся с презрением к православию⁴. Таким образом, в христианском православном населении России имелись три группы: приверженцы ортодоксального православия, сторонники старой веры и пошедшие на компромисс — единоверцы.

Учет жителей по вероисповеданию проводился в России с большей или меньшей регулярностью. Исходя из политики государства, в первую очередь фиксировали динамику количества православных, т. е. исповедовавших ортодоксальное вероучение, поддерживаемое правительством. Менее всего следили за единоверцами, поскольку эта группа, по идее ее создания, должна была привести раскольников в ряды церковников. Особое внимание проявляли к старообрядцам, для них помимо общего учета гражданского состояния временами устраивали специальные регистрации. Документы статистического учета населения откладывались в архивах разных ведомств, частично публиковались.

Рост численности населения Сибири, в частности русского, интересовал ученых в связи с задачами изучения региона в географическом, историческом и экономическом отношениях. В изданиях XIX в. в основном публиковались

статистические сводки, которые и привлекались различными авторами. Современные исследователи начали систематический анализ последовательной динамики численности, социального и этнического состава населения по прежним публикациям и собственным изысканиям в архивных документах⁵. Однако вопросы вероисповедания рассматривались лишь в некоторых аспектах. Старообрядчество Сибири XVII—XVIII вв. разносторонне изучил Н. Н. Покровский. Он использовал в своих работах в некоторой мере цифровой материал и пришел к выводу, что статистический учет староверов того времени невозможен ввиду сильного искажения сведений⁶. Количество церковных приходов Сибири в XVIII в. и относящихся к ним селений просчитала Н. Д. Зольникова, но без учета численности прихожан и их состава⁷. Данные более позднего времени о динамике численности населения и его конфессиональном составе исследователями не анализировались.

В настоящей статье мы делаем первую попытку представить состав и соотносительную численность конфессиональных групп православных христиан в Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Этот период выбран в связи с лучшей обеспеченностью его достоверными материалами и одновременно меньшей изученностью. Статья, таким образом, как бы продолжает ряд исследований, посвященных православной конфессии начального периода заселения русскими Сибири (XVII—XVIII вв.), но в ином аспекте. Ученые, обратившие внимание на источники XVIII в., в первую очередь выявляли положение старообрядчества в регионе нового расселения русских. Нас интересуют различные направления православия. Все его течения в целом мы обозначаем собирательным термином «конфессиональные группы». Установление различий и взаимоотношений между ними — дело будущего. В настоящей статье мы ограничиваемся рассмотрением статистических материалов, что само по себе ставит определенные рамки.

Использование документов по учету населения, в которых отражены вопросы вероисповедания, дает возможность проанализировать динамику численности, определить разделение конфессии на составляющие ее группы и в некоторой мере выяснить их локализацию. Эти три вопроса и принимаются для рассмотрения. Статья основана на документах центральных и местных архивов, а также на опубликованных статистических сводках. Использованы материалы отчетов губернаторов Западной Сибири, отчеты епархий, первичные и обобщенные документы статистических комитетов. Они характеризуют период времени примерно от середины XIX в. (1840-е годы) и по 1920-е. За это время были проведены две ревизии, не ставившие, однако, вопросов о вероисповедании, и первая все-российская перепись населения, в вопросные листы которой был включен этот пункт. Ежегодно велся учет населения на основании административно-полицейских и церковно-приходских записей гражданского состояния жителей, в котором отмечалось, в частности, движение по вероисповеданию: «уклонившиеся в раскол», «принявшие единоверие» и «возвращенные из раскола».

Особо следует сказать об учете старообрядцев. Именно в их среде шло дробление на мелкие группы. Ежегодная регистрация староверов была введена с 1820-х годов, а до того проводилась эпизодически. Со времен Петра I признавалось существование «явных», или «прописных», раскольников, т. е. явившихся для записи в двойной подушный оклад, и «тайных» — скрывавших свою веру. Поэтому в 1820-х годах предпочитали собирать сведения скрытно, чтобы не вызывать подозрений староверов. Естественно, они не могли быть исчерпывающими. В 1840-е годы провели ряд специальных исследований в отдельных губерниях, в которые направлялись комиссии Министерства внутренних дел. Они показали недостаточность скрытого учета раскола и, более того, заключили, что «нет никакой возможности с точностью определить его численность»⁸. Однако в 1868 г. министр внутренних дел Тимашев счел «необходимым иметь в министерстве сведения касательно современного состояния раскола в империи»⁹. Затем неоднократно предпринимались попытки улучшить оценку численности старообряд-

цев. С конца XIX в. к выявлению сторонников старой веры приступили Миссии по борьбе с расколом, созданные при епархиях, а с 1902 г. было начато составление посемейных списков, что должно было способствовать наиболее точной регистрации. Миссионеры вели дневники состояния дел на своих участках и каждые 3 месяца предоставляли сводки в епархии. Результаты их исследований включались в епархиальные отчеты. Казалось бы, списки, составленные миссионерами в каждом населенном пункте Западной Сибири, наконец-то могли дать вполне достоверные сведения. Однако в отчете Томской епархии за 1916 г. отмечалось, что подсчет населения по вероисповеданию имеет большие трудности, так как «огромное количество раскольников-старообрядцев и полукочевников-инородцев, то признающих себя православными, то отрекающихся от православия, смотря по тому, выгодно это делать или нет, путают вероисповедческую статистику»¹⁰.

Несмотря на все усилия статистиков, документы по учету населения не давали точных сведений о вероисповедании. Они сильно занижали численность старообрядцев и не всегда выделяли единоверцев. Погрешности происходили от ряда причин объективного и субъективного характера. К числу первых следует отнести общие недостатки в учете жителей страны того времени, усугублявшиеся активной миграцией населения в Сибири. Среди субъективных причин, занижавших численность раскольников и соответственно увеличивавших группу приверженцев ортодоксального православия, необходимо отметить, с одной стороны, сознательное уклонение староверов от регистрации, к чему побуждали их идейные соображения, а также опасения преследований, а с другой стороны, стремление местных светских и духовных ведомств по-своему осветить положение дел. Тем не менее благодаря статистике, хотя и при наличии немалых погрешностей, мы имеем возможность представить примерную соотносительную численность старообрядцев в общем составе населения, а эту профессиональную группу, весьма сложную по составу, соответственно по соглашениям и толкам. Поскольку численность раскольников занижалась, мы с уверенностью можем утверждать, что доля приверженцев старой веры была не ниже, чем показывала статистика. Внутри же самой группы соотносительную численность толков можно считать имевшей место именно на момент регистрации. Иммиграция и внутренняя миграция быстро изменяли картину. Кроме того, под влиянием проповедников старообрядцы нередко переходили из одного согласия в другое.

Русские священники стремились распространить христианство среди местного коренного населения. Однако мусульмане, и главным образом сибирские татары, этому твердо противостояли. Более легко принимало новую веру малочисленное население юга и севера Западной Сибири, но их позиции были неустойчивы. К тому же они пополняли ряды как сторонников ортодоксального православия, так и разных течений старообрядчества. Общая численность нерусского населения была невелика. В середине XIX в. в Томской губернии коренные жители, или инородцы (по терминологии того времени), составляли всего 6%, а в Тобольской — 4% населения¹¹. К 1916 г. в Томской губернии их доля уменьшилась также до 4%. По сельскохозяйственной переписи 1916 г., коренные русские старожилы в этой губернии представляли большинство жителей — 66%, а новоселы начала XX в. — 30%¹². В Тобольской губернии коренное нерусское население сохраняло примерно ту же численность — около 4%. Христиан среди них было немного. В 1897 г. Обдорская миссия сообщала, что крещеных остяков считается не более 5 тыс. человек, а самоеды большей частью язычники¹³. По имеющимся у нас материалам не представляется возможным учесть национальный состав христиан Сибири, но, бесспорно, в основном это были русские крестьяне.

Более ранние сведения о вероисповедании, имеющиеся в нашем распоряжении, поступили из Томской губернии. По отчетам губернских статистиков численность христиан в 1845 г. достигала 472,6 тыс. человек. Из них в расколе значилось 37,7 тыс., или почти 8% населения. Губернские статистики учли две

Численность старообрядцев Томской губернии в 1842 г.*

Округ (уезд)	Приемлющие священство	Не приемлющие священство			Всего старообрядцев	
		поклоняющиеся иконам	не поклоняющиеся иконам	всего беспоповцев	численность	%
Томский	578	220	18	238	816	2,8
Кузнецкий	1052	319	—	319	1371	4,7
Кольванский	883	2103	—	2103	2986	10,3
Бийский	17 564	6075	281	6356	23 920	82,2
Итого	20 077	8717	299	9016	29 093	100,0

* РГИА. Ф. 1284. Оп. 199. Д. 240 6, 1842 г. Л. 30—51 (подсчитано автором).

основные группы старообрядцев: приемлющих священство, т. е. поповцев, которых в 1840-е годы насчитывалось 69%, и не приемлющих священство — беспоповцев, доля которых составляла 31% от общей численности староверов (табл. 1).

Поповцы, более чем вдвое превышавшие по численности беспоповцев, были сосредоточены на востоке и юге губернии (Бийский, Кузнецкий уезды). К Бийскому округу относились предгорья Алтая, в западной части которых были расселены в XVIII в. выведенные с р. Ветки старообрядцы, так называемые «поляки». Они составили оплот беглопоповства. Более всего беспоповцев насчитывалось также в Бийском округе. В 1840-х годах Томскую губернию обследовала комиссия Министерства государственных имуществ. Из бесед с крестьянами самой южной Бухтарминской волости члены комиссии выяснили, что «все они желают отправлять произвольное богослужение по правилам своих отцов»¹⁴. Таким образом, старообрядцы в Томской губернии концентрировались в ее южной части.

Единоверцев статистики не учли. Но численность этой буферной группы всегда была невелика и непостоянна. Из единоверия переходили в ортодоксальное православие и обратно в старообрядчество. В 1856 г., объезжая селения в Верхнекамском приходе Томской губернии, священник встретил крестьян, которые «объявили себя прямо раскольниками и, несмотря ни на какие убеждения, не согласились крестить детей. Все способы, — сообщал он в своем отчете, — употребленные о сем по донесениям, остались без успеха». Всего в 1856 г. в ведомстве Томской епархии признали себя раскольниками 244 православных и 85 единоверцев. Священнослужители активно боролись за паству, привлекая для этого в помощь гражданские власти, и в следующем, 1857 г. им удалось обратить в единоверие 3269 человек¹⁵. Всего в 1859 г. в Томской губернии единоверцы составляли 1,2% населения. В 1914 г. «Томские епархиальные ведомости» констатировали возросший обратный переход из единоверия в раскол. «Уклонения в раскол, — объясняли священнослужители, — вызываются желанием легализовать свое положение. С 1910 по 1912 г. отписалось 20 семейств, но в расколе они уже лет 15—20 тому назад. Детей крестили и венчали по обрядам раскольников, и отписываются, пользуясь новыми законами»¹⁶.

В 1846 г. были опубликованы данные о вероисповедании жителей южного Ялуторовского округа Тобольской губернии. Из приведенных цифр следует, что единоверцы составляли в нем 1,7%, староверы — 12,5%, а христиане ортодоксальных взглядов — 85,8%¹⁷.

Следующий учет старообрядцев был проведен в 1866 г. Как и ранее, статистики отметили две группы — приемлющих и не приемлющих священство (статистики Тобольской губернии ошибочно назвали последних поповцами) (табл. 2).

Северные округа Тобольской губернии, как показывают статистические материалы, были практически свободны от староверов, концентрировавшихся в

Численность старообрядцев в Тобольской губернии в 1866 г.*

Округ (уезд)	Приемлющие священство	Не приемлющие священство			Прочие	Всего старообрядцев	
		приемлющие браки и молящиеся за царя	не приемлющие браки и не молящиеся за царя	всего беспоповцев		численность	%
Сургутский	—	—	—	—	—	—	—
Березовский	—	—	—	—	5	5	0,02
Тобольский	—	—	—	—	15	15	0,05
Туринский	20	—	—	—	1	21	0,07
Тарский	203	109	9	118	3	324	1,18
Омский	1237	—	300	300	45	1582	5,76
Тюменский	391	1332	365	1697	12	2100	7,65
Ишимский	—	2419	—	2419	—	2419	8,83
Курганский	32	5074	2064	7138	7	7177	26,17
Ялуторовский	—	3498	10 253	13 751	40	13 791	50,27
Итого	1863	—	—	25 423	128	27 434	100,0

* ГАОО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 7285. Л. 266 (подсчеты автора).

южных округах. Численность поповцев по сравнению с беспоповцами была невелика (соответственно 6,8 и 92,6%). Количество старообрядцев, не принимавших священников, значительно возрастало от севера к югу губернии.

В Томской губернии сторонники старой веры также селились преимущественно в ее южной части. В 1866 г. всего в губернии проживало 745 890 человек. Доля староверов в общем составе населения составляла лишь 3,2%, большая часть их (87,7%) занимала южный Бийский округ. По сведениям губернских чиновников, в восточной части (волости Алтайская и Смоленская) исстари селились беспоповцы — «почти сплошь население трезвое и трудолюбивое». В 1860-е годы их численность в Бийском округе возросла до 42%. В западной части округа большинство староверов признавало священство (52%). По сравнению с 1840-ми годами они существенно уступили свои позиции. По-видимому, это было результатом активного вовлечения старообрядцев в единоверие. Легче было прийти к нему тем, кто признавал священство. Именно на это указывала приписка к ведомости в отчете губернатора: «Все показанные под рубрикой „приемлющие священство“ — единоверцы». В данном случае желаемое выдавалось за действительное. По другим документам 1866 г., в Томской губернии помимо раскольников отдельно были подсчитаны единоверцы, составившие 4,7%, и православные — 87,8%. Общее число раскольников, по этим материалам, было меньше — 10 417 человек, из них 9775 считались беспоповцами, что показывало существенно больший процент — 93,8¹⁸. Причина таких расхождений будет объяснена ниже.

В 1878 г. исследователь-краевед Н. М. Ядринцев составил поволостную сводку численности населения Бийского уезда Томской губернии по вероисповеданию на основании данных уездной статистики. Приведенные им цифры подтверждали данные 1866 г. В некоторых волостях все население придерживалось ортодоксального православия (Барнаульская, Бийская, Зырянская и др.). Старообрядцы были сосредоточены в южной части округа. Так, на юго-востоке, в Уймонской управе, насчитывалось 6 православных и 477 раскольников. В юго-западных волостях староверы составляли от 30 до 50% жителей (Ануйская, Владимирская, Бухтарминская, Риддерская, Убинская волости). Всего в Бийском уезде (по нашим подсчетам) на долю староверов приходилось 9,8%, единоверцев считалось 5,3%, а православных ортодоксального направления — 84,9%¹⁹.

Общая доля раскольников в различных отчетах постоянно менялась. Так, в 1881 г. православные вместе с единоверцами составили в Томской губернии, по сведениям губернского отчета, 89,7%, в то время как на долю раскольников пришлось лишь 0,9% всего населения²⁰, но уже через 3 года, по тем же источникам, доля старообрядцев в общем составе жителей поднялась до 1,82%, т. е. вдвое²¹. Колебания могли объясняться разными причинами: усилившейся миграцией, неустойчивостью паствы или, наконец, погрешностями учета.

Перепись населения 1897 г. должна была с наибольшей точностью и полнотой учесть население страны, в том числе и по вероисповеданию. В вопросный лист был включен специальный пункт, в частности предлагалось регистрировать толки старообрядцев по самоопределению людей. Однако фальсификация сведений была заложена изначально, так как православные и единоверцы учитывались в одной рубрике. Таким образом было увеличено количество приверженцев ортодоксального вероучения.

Регистрация вероисповедания по самоопределению выявила значительную группу людей, которые не относили себя к православным, но и не могли назвать согласие и толк старообрядчества. В переписных листах в таких случаях обозначали: «старовер», «раскольник», «без обозначения» и даже — «двоедан». В обобщенные официальные сводки эти сведения не попадали, хотя таких сибиряков по поселенным материалам насчитывалось немало: в каждой из губерний они составили примерно половину старообрядцев. В Тобольской губернии их численность по округам колебалась в пределах 23—84%, в Томской — 30—55%. Хотя эта группа выявилась в ходе переписи 1897 г., она существовала и ранее. Так, в 1857 г. в отчете Томской епархии отмечалось, что среди раскольников «существует множество разногласий безотчетливых, какого они названия, от кого произошли и в чем заключается даже сущность разногласий, иногда слишком мелочных, неизвестно». Еще в XVIII в., как установил Н. Н. Покровский, реальные формы религиозного сознания выходили за рамки догматов той или другой системы²². Группа «безотчетливых», по-видимому, являлась массой, поддававшейся влиянию различных проповедников, она же могла служить базой возникновения местных течений в расколе. Вместе с тем следует иметь в виду, что в XVII в. в Сибирь устремлялись неорганизованные переселенцы. Среди упорных сторонников старой веры, отрицавших нововведения, наверняка не все осознавали принципы своих разногласий и не все примыкали к какому-либо согласию. В XVII — начале XVIII в. заселялась территория Тобольской губернии, и именно в ней обнаружилось преобладание «безотчетливых». Думается, что по крайней мере часть из них была потомками самой ранней волны мигрировавшего старообрядчества, называвшего себя просто староверами.

Перепись 1897 г. зафиксировала, как и в 1866 г., сравнительно небольшое число старообрядцев, приемлющих священство. В Тобольской губернии они составили 9,1%. Среди всех сторонников старой веры иначе обстояло дело с беспоповцами. Таковыми объявили себя только 36,6%, против более чем 90% в 1866 г. Однако можно предположить, что к этой группе в 1866 г. причислили всех необъявившихся поповцами. Если объединить «безотчетливых» и беспоповцев по данным переписи 1897 г., то общее число их составит 90,6%. В таком случае оказывается, что общая картина состава христианского населения по конфессиональным группам за вторую половину XIX в. в Тобольской губернии практически не изменилась (табл. 3).

В Томской губернии, по сведениям переписи 1897 г., староверы, приемлющие священство, понесли значительно больший урон, чем в Тобольской губернии, составив в уездах от 0,4 до 11% жителей. В северном Томском округе, например, в 1866 г. было учтено более тысячи поповцев, а в 1897 г. — только 11 человек. Занимали поповцы, как и ранее, юг и восток губернии. Среди них оказалось более всего беглопоповцев. Появились представители австрийского согласия поповцев, называемого также белокриницким. Они были обнаружены в Барнаульском и Бийском уездах. Среди беспоповцев отмечены различные толки. Четко осозна-

Православное население Тобольской губернии по переписи 1897 г.*

Округ (уезд)	Всего населения **	Православные и единоверцы	Старообрядцы					% от всего населения
			поповцы	беспоповцы	согласие не известно	сектанты	всего	
Сургутский	7752	Нет сведений	—	—	—	—	—	—
Березовский	20 644	20 642	—	—	1	1	2	0,00
Тобольский	127 968	102 882	4	1	32	1	38	0,02
Туринский	70 370	68 427	7	3	22	1	33	0,04
Тюкалинский	207 716	191 724	720	1680	2370	13	4783	2,30
Тюменский	121 831	104 604	599	1351	1050	34	3034	2,49
Ишимский	270 463	254 805	3355	4294	2478	25	10 152	3,75
Курганский	262 072	242 074	1396	10 258	3641	1	15 295	5,83
Тарский	159 572	141 591	90	281	1195	30	1596	10,80
Ялуторовский	190 096	147 078	246	8008	27 384	—	35 638	18,75
Итого ***	1 438 484	1 273 827	6417	25 876	38 173	106	70 572	4,90

* Подсчитано по документам переписи населения 1897 г. (РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2433—2461. Поволостные итоги).

** Обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск, 1898. С. 30.

*** По ходу подсчетов численность населения неоднократно уточнялась, поэтому в различных публикациях приводятся разные результаты.

вали свою общность поморцы. Более всего их было учтено в Бийском, Змеиногорском и Кузнецком округах. В Змеиногорском же уезде второе по численности место занимали федосеевцы (одно из течений поморского согласия). Всего среди беспоповцев Томской губернии были зарегистрированы приверженцы семи толков, но, кроме названных выше, все другие — с небольшим числом последователей.

Таким образом, несмотря на неполноту сведений, статистика конца XIX в., как и прежде, зафиксировала вполне определенное расселение представителей разных направлений православного вероучения, а также сохранение в основном прежней их локализации: христиане ортодоксального православия занимали большую часть территории. По численности они преобладали в средней части Тобольской и северной части Томской губерний, приверженцы старой веры сосредоточивались на юге.

Еще более определенно заявили об этом данные раскольничьих миссионеров при епархиях. Их задача заключалась в учете староверов, в выявлении тайных последователей раскола и в привлечении их в лоно церкви. Соответственно они были заинтересованы в установлении истинного положения дел, которое имело место в начале XX в.

По сведениям, собранным миссионерами в Томской епархии путем составления посемейных списков, в 1902 г. насчитывалось 95 тыс. старообрядцев. Все они, как и ранее, заселяли преимущественно юг губернии (табл. 4).

К началу XX в. увеличилась как абсолютная, так и относительная численность старообрядцев-беспоповцев, достигшая в Томской губернии 80%. Наиболее мощное и активное течение в беспоповщине составили поморцы-брачники. Признание церковного брака давало им большую свободу в установлении бытовых и экономических контактов с православным населением. Их проповедники вели неустанныю агитацию среди местных жителей. Наставники требовали, чтобы при вступлении в брак с поморцами инаковерующие, как женщины, так и мужчины, принимали поморское вероучение.

Поморские селения представляли собой сплоченные общины. Для решения спорных вопросов веры устраивали «соборы», а в сложных случаях приглашали

Численность старообрядцев в Томской губернии в 1902 г., тыс. чел.*

Округ (уезд)	Численность	Округ (уезд)	Численность
Томский	4	Барнаульский	35
Кузнецкий	5	Бийский	22
Марининский	3	Змеиногорский	20
Каинский	6	Итого	95

* РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1211. Л. 92—99.

Таблица 5

Численность последователей старообрядческих толков в Томской губернии в 1902 г., тыс. чел.*

Толк	Численность	Толк	Численность
Стариковцы и часовенные	35	Самокрещенцы макаровские	0,2
Поморцы законобренные	28	Странники	0,7
Даниловцы	5	Беглопоповцы	2
Федосеевцы	3	Нетовцы	2
Немоляки и рябиновцы	0,7	Австрийцы-окужники	17
Самокрещенцы	0,4	Австрийцы-противоокужники	2

* РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1211. Л. 92. Общая численность по источнику превышает ранее указанную на 1 тысячу.

какого-нибудь авторитетного наставника из городов Сибири или даже из Москвы. Селения, в которых жили популярные наставники, становились центрами, объединявшими окрестные деревни. В Барнаульском уезде было три центра, которые включали более 10 селений. Еще более мощные общины поморцев сложились в Бийском и Змеиногорском уездах. Так, в д. Солонке проживало более 10 известных наставников. Она являлась как бы метрополией для окрестных селений. В Змеиногорском уезде подобным центром были д. Гилева и д. Верх-Убинка (Лосиха), основанная в XVII в. «поляками». Убинско-Гилевскую общину их соседи называли «самодурами» по наименованию селения в Саратовской губернии, выходцы из которой способствовали распространению в этой местности беспоповщины.

Кроме законобренного согласия в Бийском и Змеиногорском уездах сохранились три толка поморцев безбрачников: федосеевцы, филиповцы и даниловцы. Отрицав брак, они все же создавали семьи, но женщин называли не женами, а стряпухами. Центр федосеевцев находился в д. Шамаково Каинского округа (табл. 5).

Сплоченные общины поморцев численно преобладали среди староверов. В количественном отношении им соответствовала так называемая «стариковщина». Этот толк был распространен шире, но общины, в противоположность поморским, были пассивны, бездеятельны, неустойчивы. Вследствие этого они дробились и теряли своих сторонников. Стариковщина известна в европейской части страны. Однако сибирское священство считало ее явлением местным, выделившимся там, где православие было ослаблено. Поскольку жители отдаленных от церквей селений не имели возможности обращаться к священнослужителям, основные требы начинали выполнять старики и старухи из среды самих верующих. Со временем количество церквей в центральных уездах Сибири увеличилось. В некоторых местностях приверженцы стариковщины проводили венчания и крещения в православных храмах, но затем крещенного снова погружали «свои старики», а повенчанные должны были нести епитимию. Подобного рода

стариковщина была распространена в Барнаульском уезде в деревнях, расположенных по рекам Оби, Карасуку, Чумышу, а также в некоторых селениях Кулундинской степи. Не признавали священства стариковцы Бийского уезда, в котором имелось три центра этого толка — Сибирячиха, Шульгин Лог, Катанда. В небольшом числе стариковцы имелись в трех приходах Кузнецкого уезда.

В старообрядческой иерархии неточно было определено положение страннического, иначе — бегунского толка. Возникновение его относят к середине XVIII в. как одного из непримиримых направлений беспоповщины. Не признавая церкви, гражданской администрации и их законоположений, они удалялись на окраины государства, скрывались в лесах, не имея «ни града, ни села». Странники сосредотачивались на восточных окраинах Томской губернии, по рекам Томи, Чумышу и Яи в Кузнецком, Мариинском и Томском уездах. Как неоднократно отмечали чиновники и священники, «Верх-Чумышская тайга с давних времен сделала притоном страннической секты. Особенное удобство для раскольников эта тайга представляет в том отношении, что непроходима и малодоступна»²³. Необходимость вступать в контакты с «мирянами» побуждала странников искать сочувствия у крестьян. Тех, которые разделяли их взгляды, но сами не могли пуститься в странствие, называли странноприимцами. Они должны были укрывать беглецов, не объявляя о своей вере. Уже в середине XVIII в. с их помощью была налажена цепочка убежищ, пользуясь которой можно было тайно пробраться из европейской части страны через Уральские горы на реки Иртыш, Ишим, Обь, Томь и далее к Алтайским горам. В Сибири бегунство соединилось с поисками легендарного Беловодья — страны, свободной от церковников и чиновников. Здесь оно приобрело мощное общественное звучание. Юг Западной Сибири — Алтайский горный округ — стал восприниматься как конечный пункт странничества. Среди российских и сибирских крестьян передавались письменные и устные «маршруты», которые вели в старообрядческую деревню Уймон, где жил странноприимец Иосиф. В окрестных лесах по займкам таились проповедники бегунства, привлекавшие к себе местных крестьян. Согласно текстам «маршрутов», проводники из Уймона могли препроводить через земли «неправославных» к островам Опоньского (Японского) государства, где сохранилось «истинное дониконовское священство». В течение всего XIX в. пограничные деревни Алтайского горного округа, расположенные в долинах рек Уймона и Бухтармы, были охвачены жадной поисков Беловодья. Одна за другой собирались большие и малые группы, тайно уходившие «за рубеж» и блуждавшие в горах в поисках прохода к свободной земле. Упорная борьба крестьянства за осуществление своих социально-утопических идей, как правило, оканчивалась неудачей. Безуспешность этих попыток неоднократно анализировали исследователи, раскрывая социально-историческое значение этого явления²⁴.

В Томской губернии согласие поповцев было представлено беглопоповцами, австрийцами, часовенными, спасовцами, нетовцами. Беглопоповцы по-прежнему занимали Змеиногорский округ. Наиболее крупная Секисовско-Орловская община их насчитывала 3 тыс. человек. Другая крупная община сложилась в восточной части Барнаульского округа с центром в с. Сорокинском. В Барнаульском уезде была зарегистрирована община нетовцев (спасово согласие). Часовенные, по сведениям сибирского духовенства, первоначально согласились к беглопоповцам. В Сибири из-за трудностей в привлечении беглых попов они стали избирать своих уставщиков, которые, однако, обязательно должны были получать благословение от какой-либо древлеправославной часовни — Соловецкой, Иргизской, Рогожской, Екатеринбургской или другой. Немногочисленные деревни, жители которых придерживались этого толка, были отмечены в Барнаульском уезде по р. Кулунде и в Томском уезде по р. Томи (деревни Черная, Светленькая и др.).

Большинство поповцев составляли австрийцы. Эта старообрядческая иерархия сложилась в середине XIX в. за пределами России на территории тогдашней Австрии. Центром ее являлось селение Белая Криница, отчего сог-

Православное население Томской губернии в 1910 г.*

Округ(уезд)	Православные (ортодоксальные вероучения)		Старообрядцы (разные согласия и толка)	
	численность	% ко всему населению	численность	% ко всему населению
Томский	530 320	92,6	3400	0,6
Маринский	203 350	91,3	1890	0,9
Каинский	247 900	96,1	6300	2,3
Барнаульский	1 042 800	94,8	48 504	4,5
Бийский	358 200	86,3	33 030	8,0
Змеиногорский	318 100	84,7	37 440	9,9
Итого	2 907 970	91,7	136 700	4,4

* ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 3. Л. 4. Единоверцы отдельно не учитывались и отнесены к православным.

ласие получило еще одно наименование — белокриницкое. К концу XIX в. новое согласие не только распространилось по России, но стало в ней одним из мощных направлений в старообрядчестве. В скором времени после своего появления австрийское согласие разделилось на «окружников» — сторонников окружного послания 1863 г., направленного на сближение с государственной церковью, и на его противников, или «противоокружников».

В Сибири большей популярностью пользовались окружники. В г. Барнауле, например, из 10 австрийских священников только один являлся противоокружником, а в Бийском и Змеиногорском уездах проповедовали 12 священников-окружников и только один противоокружник. У австрийцев были свои церкви, и некоторые из них имели очень богатое убранство. В Томском уезде австрийцами был основан мужской монастырь, в котором приверженцы этого вероучения проводили губернские сборы. Австрийцы очень активно привлекали единомышленников. Как отмечали православные миссионеры, австрийское священство выделялось в среде старообрядцев грамотностью и начитанностью. Поскольку православных храмов в Сибири было недостаточно, в австрийские церкви на праздничные службы, для крещения и бракосочетания приходили местные жители — нестарообрядцы. Это, в свою очередь, способствовало распространению австрийского согласия. Общины австрийцев имелись в каждом уезде. Они составляли более или менее обширные гнезда селений, насчитывавших от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. В Барнаульском уезде общины сосредоточивались около уездного города, в Бийском — вдоль Чуйского тракта.

Взросший поток переселенцев из европейской части страны в начале XX в. привел к росту абсолютной численности старообрядчества Сибири, которое составило 221 050 человек, по данным губернского учета, или в 4 раза больше, чем в 1866 г. В Томской губернии доля старообрядцев в общем составе населения равнялась 4,3%. Это было несколько меньше, чем в Тобольской губернии, где раскольников числилось 4,6%. Однако в Томской губернии староверы были расселены в каждом из уездов, причем численность их, как и прежде, возрастала к югу (табл. 6)²⁵.

В Тобольской губернии северные уезды с малочисленным населением были почти совершенно свободны от старообрядцев (табл. 7). В четырех южных уездах с середины XIX в. статистика отмечала гнезда беспоповцев стариковского толка. Они заселяли преимущественно Ялуторовский уезд, где, как считали священники, к числу явных и тайных раскольников принадлежала по крайней мере $\frac{1}{4}$ всего населения. Труднопроходимая тайга Курганского округа скрывала бегунов. Общины поморцев были разбросаны в Курганском, Ишимском и в западной части

Православное население Тобольской губернии в 1910 г.*

Округ (уезд)	Православные (ортодоксального вероисповедания)		Старообрядцы (разные согласия и толки)	
	численность	% ко всему населению	численность	% ко всему населению
Сургутский	11 860	98,1	40	0,3
Березовский	24 800	85,2	10	0,0
Туринский	85 110	99,3	40	0,0
Тобольский	119 400	78,7	120	0,1
Тарский	188 640	89,4	2100	1,0
Тюменский	119 970	85,0	4100	2,9
Ишимский	334 200	94,9	11 600	3,2
Тюкалинский	242 630	91,9	5900	2,2
Курганский	316 990	93,2	20 140	5,9
Ялуторовский	173 370	78,2	40 330	18,2
Итого	1 626 040	89,4	84 350	4,6

* ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

Тюменского округа. В начале XX в. в губернии появилось небольшое число поповцев австрийского согласия, заселивших Ишимский и Курганский уезды. Они активно пополняли свои ряды за счет стариковцев и единоверцев. Для этого проповедники выезжали агитировать за 300—400 верст от своего места жительства ²⁶.

Как показывают данные табл. 6 и 7, в первые два десятилетия XX в. старообрядцы, как и прежде, были сосредоточены в южных округах каждой из двух западносибирских губерний, но в их составе и размещении наблюдались перемены. Более сложная картина складывалась в южном пограничье. Сюда, теснимые переселенцами, уходили некоторые старообрядцы из Тобольской и северных округов Томской губернии. Они считали более надежными укрытиями предгорья и горы Алтая. Поэтому при основании оседлых аилов алтайцев население нередко оказывалось смешанным. Так, в урочище Верхняя Черга поселился новокрещенный алтаец Мефодий Шебураков. К нему подселились два крестьянина-старообрядца стариковской секты и мещанин из Бийска. Миссионерское селение Тюдрала основал новокрещенный казах из Семипалатинской дючины Сатыбай Джалды. К нему подселились несколько семей староверов, пришедших из Кольванской и Ануйской волостей Бийского уезда ²⁷. Движение сибиряков-староверов на юг, как и в прошлом, в первую очередь было связано с аграрной миграцией. Так, заселение в начале XX в. верхней долины р. Чарыша осуществлялось путем основания пасек и сезонных заимок, из которых постепенно вырастали деревни. Начало д. Талице положили старообрядцы «поляки» из д. Выдрихи. К ним подселились новые выходцы из той же деревни и из других, в том числе староверы разных толков. Деревню Покровку основали «поляки», а к ним подселились православные переселенцы, придерживающиеся ортодоксального вероучения ²⁸.

Переселенческое движение конца XIX — начала XX в. увеличивало разнообразие толков в среде старообрядцев Сибири, особенно в ее южной части. Так, в 1913 г. в приходе с. Тогул Томской губернии миссионер встретил большую партию российских переселенцев — 2380 человек, которые все оказались раскольниками ²⁹. На рубеже XX в. в Змеиногорском округе среди староверов-«поляков» поселились приверженцы австрийского согласия. Австрийцев-окружников здесь называли «московиты», что указывает на место их прежнего жительства. В некоторых деревнях они склонили в свою веру большинство жителей ³⁰.

В результате передвижений населения и перемены верования некоторые селения становились весьма неоднородными в религиозном отношении. Так, в д. Черемшанка Змеиногорского уезда на рубеже веков соседствовали православные ортодоксального вероучения, единоверцы, австрийцы, беглопоповцы и беспоповцы; в д. Секисовке — прежнем оплоте стариковщины — австрийцы-«москвиты» и дьяконовцы; в д. Лосихе, бывшем центре поморцев, кроме федосеевцев, оказались австрийцы-окружники и противоокружники, единоверцы и православные, пополнившие ряды коренных жителей староверов-«поляков». В 1908 г. в долине р. Бухтармы появились приверженцы австрийского согласия, которое здесь называли «крымским», следовательно, оно было из иного, чем в Секисовке, места расселения. За десятилетие австрийцы нашли сторонников во многих селениях, потеснив прежде господствовавшую стариковщину. Например, в д. Коробке из 152 семей прежнюю веру сохранили только восемь³¹. Сплоченные ранее гнезда староверов развивались подселывшимися переселенцами. Даже на крайнем южном пограничье перемежались селения, жители которых придерживались различных вероучений. В той же долине р. Бухтармы д. Тополевка была заселена православными ортодоксального вероучения, Ново-Еловка — старообрядцами-беспоповцами, далее лежавшие пос. Чулик — православными, а пос. Матобат — староверами и т. д.³²

Помимо этого, на основе существовавших и привнесенных толков появлялись новые течения. Например, в Томской губернии было распространено спасово согласие, или нетовщина. В этом учении в местных условиях появились изменения, сблизившие его со стариковщиной. Выделилась особая община под названием «томских»³³.

Таким образом, в начале XX в. в среде старообрядцев весьма активно протекали интегрирующе-дифференцирующие процессы. С одной стороны, устойчиво сохранялась локализация старообрядческих центров, сложившихся в XVII—XVIII вв. Наряду с этим объединяющую роль выполняли пропагандисты наиболее сильных толков (поповцы-австрийцы и беспоповцы-поморцы), привлекавшие колеблющихся, неустойчивых в своих воззрениях, искавших истины. С другой стороны, в Сибирь проникали новые веяния в христианстве, возникали и распространялись местные течения. Между всеми этими группами шли сложные процессы взаимовлияния и вытеснения одних толков другими. Вместе с увеличением общей численности населения в Западной Сибири возрастало и количество староверов. Их абсолютная численность оставалась намного меньше, чем православных ортодоксального вероучения. Хотя число последних пополнялось за счет переселений из европейской части страны и вследствие миссионерской деятельности, относительное количество староверов росло несколько более быстрыми темпами. Так, к 1910 г. по сравнению с 1866 г. общая численность населения увеличилась в 3,2 раза, а старообрядцев — в 4,3 раза. Опережающий рост был более выражен в Томской губернии, где численность староверов (по нашим подсчетам на основании данных губернской статистики) возросла почти в 6 раз.

В число старообрядцев официальная статистика XIX — начала XX в. включала сектантов, вероучение которых складывалось на основе разных конфессий. В Сибири сектанты появились с середины XIX в. сначала в Тобольской губернии (молокане и духоборцы), а затем в Томской. К 1897 г. в Тобольской губернии имелось уже 60 молокан и 35 духоборцев, а в Томской они насчитывались сотнями в Барнаульском и Змеиногорском уездах. Центром молокан стала деревня Ново-Покровка Барнаульского уезда, где жили два активных пропагандиста³⁴. В Змеиногорском округе духоборцы появились сначала в д. Бутаково. Оттуда учение было перенесено в Лосиху, Секисовку и другие близлежащие селения. В Сибири вероучение духоборцев несколько видоизменилось, смешавшись со старообрядчеством поморского толка. В нем выделились три направления: брачники, безбрачники и самокрещенцы³⁵.

В 1908 г. в западной части Бухтарминской долины арендовали землю 30 семей баптистов. В 1910 г. в западной же части Змеиногорского уезда также поселились

баптисты: десять семей переселенцев из Екатеринославской губернии. Началась агитация их проповедников среди местных староверов, К 1913 г. вблизи Змеиногорска в различных селениях имелось уже по 10—20 дворов баптистов. В качестве центра выделилась община с. Нечунаевского. В том же году баптисты появились уже в противоположной, восточной части Алтайского округа, в с. Солтоне. В трех пунктах юга Томской губернии в начале XX в. осели хлысты, прибывшие из Полтавской губернии. Секта новоскопческая, или духовного брака, обосновалась в Тобольской губернии. В д. Медвежья Курганского округа на окраине селения они построили один дом для своих общинников. В отдельных селениях, соседствовавших с русскими, стали возникать общества штундистов и меннонитов³⁶. Местное православное священство с тревогой отмечало вселение даже единичных инаковерующих, опасаясь их влияния на паству. Однако учения сектантов, привносимые переселенцами, даже при активной пропаганде, как, например, проповедниками баптизма, не смогли создать за два десятилетия XX в. достаточно сильных обществ и оставались небольшими вкраплениями в местностях, по преимуществу заселенных старообрядцами.

Подводя итог рассмотрению представленных в настоящей статье материалов, мы можем сделать некоторые выводы. Прежде всего необходимо признать, что статистические материалы о движении населения Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. вполне пригодны для анализа состава жителей по конфессиональному признаку. Статистические сводки следует рассматривать в динамике, что позволяет определить тенденции изменений, сглаживая годовичные колебания показателей. Статистика того времени не давала точных сведений, но отражала относительную величину конфессиональных групп, хотя при этом уменьшала долю старообрядцев.

Большинство жителей Западной Сибири, как и повсюду в стране, в рассматриваемое время исповедовали христианство в его признанном государством, а потому наиболее распространенном направлении. Эта часть христиан стабильно составляла более 80% населения, численность же старообрядчества существенно колебалась. Между этими двумя группами нашлось место для единоверия, весьма малочисленного и неустойчивого.

Православные христиане ортодоксального направления были расселены по всей территории Западной Сибири. Многочисленные переселения из европейской части страны, проходившие в конце XIX — начале XX в., пополняли их ряды. В статистических сводках Переселенческого управления указывались места выхода и, менее определенно, места вселения. Среди переселенцев были представители почти всех губерний европейской части страны. Однако этническому и вероисповедальному составу руководство Переселенческого управления не придавало значения. Тем не менее естественным путем, через разведки «ходоков» создавалась некоторая избирательность при расселении: выходцы из одной губернии стремились поселиться ближе к своим землякам. Переселенцы приносили с собой особенности бытового православия родных мест. Некоторые указания на появившиеся в Сибири отличия в бытовом отпраздновании обрядов встречаются в отчетах епархиальных ведомств, но в статистические сводки подобные тонкости не проникали.

Старообрядцы составляли сравнительно небольшую часть населения Западной Сибири. Учитывались статистиками лишь «явные» староверы. Реальная же численность приверженцев старой веры была выше, так как тайные раскольники при переписях называли себя или единоверцами, или православными. Количество явных старообрядцев за рассматриваемое время значительно увеличилось. Этому способствовал не только естественный прирост, но в некоторой мере переход в раскол из единоверия и православия, а с конца XIX в. — усиленный приток переселенцев из европейской части страны. Доля староверов среди сибиряков имела тенденцию к повышению, так как росла несколько быстрее, чем доля приверженцев ортодоксального вероучения.

Из двух согласий старообрядчества — поповцев и беспоповцев — первые постепенно теряли позиции. Напротив, согласие беспоповцев расширяло свои ряды.

Как удалось выяснить по архивным документам, в Сибири имелась значительная группа приверженцев старой веры, которые не относили себя ни к одному из согласий и толков, известных в конце XIX — начале XX в. Можно предположить, что среди них сохранялись потомки первых мигрантов за Урал, не признавших преобразований, но еще не присоединившихся к какому-либо согласию. В официальной статистике их не отмечали, присоединяя к числу беспоповцев. Однако, по нашему мнению, в старообрядчестве Сибири следует различать не два, а три течения: поповцев, беспоповцев и «неотчетливых», не имевших выраженной организованности и сформулированных идейных представлений.

В конце XIX — начале XX в. численность староверов, как и представителей ортодоксального православия, пополнялась за счет переселенцев. Им также была присуща избирательность при расселении, и они устремлялись в местности, где имелись деревни старообрядцев, хотя бы и иных воззрений. Вследствие этого компактные прежде ареалы теряли свою целостность. Во многих селениях состав жителей по вероисповеданию стал весьма сложным.

Статистические материалы показывают, что при общем увеличении населенности Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. и интенсивных миграционных процессах соотношение численности двух основных конфессиональных групп — приверженцев ортодоксального православия и последователей старой веры — существенно не изменилось. Довольно стабильно сохранялись также местности их преимущественного расселения. При этом южные уезды каждой из двух западносибирских губерний являлись основным пристанищем для раскольников. Из Тобольской губернии они под наплывом переселенцев и в силу ряда других обстоятельств частично уходили в Томскую губернию, где шла аналогичная миграция. В результате юг оказался наиболее насыщенным представителями различных конфессиональных групп, и одновременно он становился наиболее веротерпимым участком западносибирского региона.

Примечания

¹ В документах и публикациях христиане, признавшие нововведения, называются православными, а не признавшие их — староверами, старообрядцами, раскольниками. Эти термины будут использованы в статье.

² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 23. Л. 32.

³ Списки населенных мест Российской империи. Т. LX. Томская губерния. СПб., 1868. С. LXXII.

⁴ Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск, 1898. С. 45.

⁵ Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973; Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII в. — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963.

⁶ Покровский Н. Н. Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири. Новосибирск, 1973. С. 381—406.

⁷ Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск, 1990.

⁸ Статистические таблицы Российской империи за 1856 г. СПб., 1862. С. 210.

⁹ Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX в. М., 1904. С. 65.

¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 276 б. Л. 88 об.

¹¹ Подсчитано по книге: Кенпен П. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПб., 1857. С. 142—145.

¹² Нагнибеда В. Я. Томская губерния. Статистический очерк. Томск, 1917. С. 3.

¹³ Тобольские епархиальные ведомости. 1897. № 10. С. 16.

¹⁴ РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 558. Л. 360 об.

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2798. Л. 22—24; Д. 25. Л. 35.

¹⁶ Томские епархиальные ведомости. 1914. № 4. С. 145.

¹⁷ Голодников К. Ялуторовский округ Тобольской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1846. Ч. 15. С. 265.

¹⁸ РГИА. Ф. 128. Оп. 7. Д. 77. 1867 г. за 1866 г. Л. 7; Д. 77. 1870 г. за 1869 г. Л. 32; Государственный архив Алтайского края (далее — ГААК). Ф. 3. Оп. 5. Д. 7285. Л. 572 об.— 573. Списки населенных мест Российской империи. Т. LX. Томская губерния. СПб., 1868. С. LXXI.

¹⁹ Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // Зап. Западно-Сибирского отдела РГО. 1880. Кн. 2. С. 140—141.

²⁰ Обзор Томской губернии за 1881 г. Томск, 1882. С. 12.

²¹ Обзор Томской губернии за 1884 г. Томск, 1885. С. 13.

²² Покровский Н. Н. Исповедь алтайского крестьянина // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1979. С. 49—57.

²³ РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1211. Л. 99.

²⁴ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX в. М., 1967; Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1976; Мамсик Т. С. Побег как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40—90-е годы XVIII в. Новосибирск, 1978, и др.

²⁵ Государственный архив Омской обл. (далее — ГАОО). Ф. 86. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

²⁶ Тобольские епархиальные ведомости. 1912. № 3; 1899. № 8. С. 135. РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 210.

²⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 18. Л. 40—41.

²⁸ Богданов В. Н. Из истории заселения русскими Чарышской долины Горного Алтая // Зап. Горно-Алтайского НИИ языка и литературы. 1967. Вып. 7.

²⁹ Томские епархиальные ведомости. 1913. № 7—8. С. 522.

³⁰ Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // Зап. Западносибирского отд. Русского географического общества (далее — ЗЗСОРО). 1899. С. 45.

³¹ Там же. С. 32—45.

³² Герасимов Б. Поездка в Южный Алтай // Зап. Сибирского отд. РГО. 1927. Вып. 17. С. 143.

³³ Герасимов Б. В долине Бухтармы. Краткий историко-географический очерк // Зап. Семипалатинского подот. Западносибирского отдела РГО (далее — ЗСПОЗСОРО). 1911. Вып. 5. С. 10.

³⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1211. Л. 92 об.

³⁵ Швецова М. Указ. раб. С. 40; Новоселов А. Умирающая старина // ЗСПОЗСОРО. 1915. Вып. 10. С. 12.

³⁶ Тобольские епархиальные ведомости. 1897. № 23; Томские епархиальные ведомости. 1913. № 10. С. 633; № 11. С. 677; Ядрищев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // ЗЗСОРО. 1880. Кн. 2; Герасимов Б. В долине Бухтармы... С. 9; РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1211. Л. 92 об.

Orthodox denominations of West Siberia population (later half of the XIX — early XX century)

The composition and size of various confessional groups (mostly, Christian and Old Believers) of West Siberia are given in the article. Also shown is the dynamics of their migrations over the period from mid — XIXth century through early XXth century. The estimates were made and tables compiled by the author on the basis of archival data extracted from the provincial historical statistics and censuses of West Siberia population. These data allowed the author to map the confessions in the territories of the chief provinces of West Siberia, and to reveal some changes in the social standing of the groups under consideration.

V. A. Lipinskaya